

В статье рассматриваются методы, цели, задачи и этапы процесса изучения права на образование.

THE PROBLEMS AND METHODS OF STUDYING THE RIGHT FOR EDUCATION

G. K. BALAYAN

The article is about the problems and methods of studying the right for education. The author suggests that the education right should become an object of close study in the Republic of Armenia, like in a number of European states. State educational program criteria, sectors of educational system, the normative and legal, and organizational documents on educational process are considered to be most important. In the framework of the Bologna process, it is necessary to be in an active cooperation with European leading universities, with the purpose of integration into European Higher Education Area.

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ЛЕГАЛЬНОСТЬ КАК ВНУТРЕННИЕ ОБЪЕКТИВНЫЕ СВОЙСТВА ПРАВА

С. А. ХАЧАТРЯН

*Кандидат юридических наук,
профессор ГГУ*

В немецком и русском праве и правовой науке латинские термины *Lex*, *Leges*, *Legal*, *Legales*, *legalität* означают соответственно «закон», «законы», «законный». Но одновременно эти термины могут обозначать и само право, когда речь идет о средневековых (варварских) кодексах («*Leges barbarorum*»), или о древнем неписаном праве, так называемом «*Leges non scriptae*». Иногда термины *Legal*, *legalität* использовались и в смысле открытости, публичности. Легальность, как признак и закона, и права, присутствует и в правоприменении так называемого «*contra legem*»¹. Термины *legitim*, *Legitimität*, *legitismus* могут обозначать такие понятия, как «законный», «законность», а иногда — «подлинность» и «признанность».

В СССР эти термины не употреблялись. В советской правовой литературе, а также в «Советском энциклопедическом словаре», «Словаре иностранных слов», в «Юридическом энциклопедическом словаре» объяснение этих терминов отсутствует². Государственные нормативные акты и акты, принятые органами КПСС, считались заведомо легальными и леги-

¹ См. **А. В. Федотов**. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? «Журнал российского права», N 8, 2002, с. 92-99.

² См. Советский энциклопедический словарь. М., 1987, с. 695; Словарь иностранных слов. М., 1989, с. 281; Юридический энциклопедический словарь: второе, дополненное издание. М., 1987.

тимными.

О легитимности и легальности государственной власти и закона стали писать только после распада СССР³, не разграничивая смысла и значения этих терминов. Ю.В.Тихонравов считает, что «под легитимностью права понимаются три разных свойства: 1. Легитимность как преемственность правовых установлений, то есть соответствие процедуры установления новых правовых установлений старым требованиям. 2. Легитимность как вообще законность. 3. Легитимность как признанность общественным мнением, соответствие обычаю и доминирующему общественному интересу». Далее, обобщая свои выводы, он констатирует, что «все определения легитимности сводятся к двум моментам: 1. преемственность власти и права; 2. общая полезность власти или права для общества»⁴.

По мнению Г. Н. Манова, легальным и легитимным является только тот закон, который принят легальной и легитимной властью, прошел все правотворческие процедуры, и «который никогда бы не противоречил своей правовой природе, приоритету общечеловеческих ценностей»⁵.

Эти подходы, несмотря на упоминания о необходимости соответствия закона общечеловеческим ценностям и общественному мнению, основаны на нормативной теории права. Здесь тоже речь идет не о праве вообще, а о законе государства и, следовательно, о легальности и легитимности не права, а только закона.

Авторы учебника «Теория государства и права» под редакцией В. М. Корельского и Ю. В. Перевалова легальность считают, прежде всего, положительным свойством власти, и только затем - признаком закона. Легальность определяется ими как «юридическое выражение власти, как нормативность, способность воплощаться в нормах права, ограничиваться законом, функционировать в рамках законности»⁶. Эту точку зрения разделяют и другие авторы. Так, Э. Бланкенбург, основываясь на мнении

³ См. **Ю. В. Тихонравов**. Основы философии права. М., 1999; **Р. З. Лившиц**. Право и закон в социалистическом правовом государстве. «Советское государство и право», 1989, N 3, с. 15-22; **Он же**: О легитимности закона. Из кн.: Теория права. Новые идеи, Выпуск четвертый, М., 1995, с.18-26; **Э. Бланкенбург**. Юристы и правовые инновации в Германии и США. «Государство и право», 1997, N 5, с.100-108; **В. А. Четвернин**. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве. «Государство и право», 1992, N 5, с. 3- 11; **В. С. Нерсисянц**. Философия права. М., 1997, с. 596; **И. Ю. Козлихин**. Позитивизм и естественное право. «Государство и право», 2000, N 3, с. 5- 11; **Н. Н. Разумович**. Источники и форма права. «Советское государство и право», 1988, N 3, с. 20—27.

⁴ См. **Ю. В. Тихонравов**. Основы философии права. М., 1999, с. 303-306; Теория государства и права. Издательская группа ИНФРА. М—НОРМА, М., 1997 (под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова), с. 136-138.

⁵ См. **Г. Н. Манов**. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы. Советское государство и право, 1989, N 6, с. 3—10.

⁶ См. Теория государства и права. Под. ред. В. М. Корельского и Ю. В. Перевалова, с. 137.

ях, бытующих в немецкой теории права, считает легальность свойством власти, определяя ее как «степень связанности публичной администрации и частных организаций точными юридическими нормами; глубину «пронизанности» различных областей социальных отношений легалистическими ожиданиями»⁷. Если легальна власть, сформированная законным путем, то легален и легитимен и ее закон.

Р. З. Лившиц, сторонник концепции различения права и закона, полагает, что легитимность имеет две стороны: формальную и содержательную. Единственным источником формальной легитимности, по его мнению, является законная государственная власть, а источником законности или легитимности самой власти и государственных органов - те же формальные законы, особенно конституция. Но (возникшая в таком замкнутом круге) формальная легитимность пока остается неполной. Для полной и настоящей легитимности закона нужны еще два условия: чтобы он обладал положительным содержанием и сущностью и был признан населением. Главным в легитимности закона является «положительное отношение к нему членов общества, поддержка его как гражданами, так и юридическими лицами. И наоборот, отрицательное отношение населения к закону, его непринятие означает, что закон не легитимен».

Эту вторую сторону легитимности - признанность закона населением, Р. З. Лившиц называет легальностью, считая ее необходимой стороной или признаком легитимности. Иначе говоря, легальность закона - это его легитимность по содержанию и сущности. «Легитимность закона должна опираться на его легальность. Только легальный закон легитимен»⁸. Понятно, что последнее условие (признанность населением) проявляется тогда, когда закон уже действует.

Этот подход, претендующий быть проявлением концепции различения и соотношения права и закона, неверен по следующим соображениям.

1. В этом случае определяющим и первичным является не право, а закон; 2. легальность считается стороной легитимности и отрицается, что легальная власть может напрямую передать закону свойство легальности без посредничества легитимности. Если власть легальна, значит и ее закон легален; 3. кроме того, в этом подходе содержится явное логическое противоречие: не легитимный и нелегальный закон все равно формально легитимен, или формально легитимный закон, по сути, может быть не легитимным и нелегальным. Оказывается, что легитимность по содержанию (она же признанность или легальность) является как бы вторичным, не определяющим и не необходимым признаком закона, потому что закон может действовать не нуждаясь в полной легитимности (легальности). Это говорит о том, что ошибочно считать легальность признаком «содержа-

⁷ См. Э. Бланкенбург. Юристы и правовые инновации в Германии. «Государство и право», 1997, N 5.

⁸ См. Р. З. Лившиц. О легитимности закона. Из кн.: Теория права. Новые идеи, Выпуск четвертый М., 1995, с. 18-26.

тельной» или «полной» легитимности и отождествлять эти понятия.

Признаками проявления легальности и легитимности государства и его правовой системы иногда считается и их признание мировым сообществом государств или их блоками. Но такое признание тоже не может служить критерием определения того, является ли государство, его законодательство или отдельный закон, легальными и легитимными. СССР и Фашистская Германия были признанным международным сообществом государств, и если считать этот подход правильным, то следует, власть в этих государствах, а также принятые ими законы, считать легальными и легитимными. Но на самом деле они не являлись таковыми с позиций христианского права. Иракское государство во главе с Саддамом Хусейном и созданные там законы до недавних пор признавались международным сообществом легитимными и легальными. Они и были таковыми с позиций мусульманского права. Но внезапно группой государств они стали считаться нелегальными и не легитимными. А ведь в Ираке тогда не произошло никаких существенных изменений, власть и законодательство, и по существу, и формально, нисколько не изменились.

Что касается вопроса соответствия или несоответствия закона или права общечеловеческим ценностям, то пока таких ценностей просто не существует, следовательно, нет и возможности их соотнесения или соответствия. Пока нет единых идейно-регулятивных нормативных систем, единой всемирной истории и общечеловеческой цивилизации, не может быть и единых общечеловеческих ценностей. Такие системы общечеловеческих ценностей образуются только в будущем, тогда, когда возникнет общечеловеческая единая цивилизация на основе христианских идейно-регулятивных нормативных систем. Сегодня имеются только отдельные цивилизации и отдельные системы ценностей⁹.

Признанность закона народом не тождественна с легальностью или легитимностью, как полагает Р. З. Лившиц. В середине тридцатых годов прошлого века, когда турецкое государство переняло европейские кодексы и законы и в полном объеме внедрило их в основу отношений в турецком обществе, это вызвало массовые протесты и волнения. Тюркская расовая душа не желала подчиняться нормам христианского права, не признавала их. Но власти наделили законы, не признанные народом, законной (формальной) легальностью и легитимностью, введя их в действие принудительно. Впоследствии оказалось, что эти непризнанные народом законы были полезными, легальными, легитимными и оказали самое положительное влияние на турецкое общество, выведя его из состояния стагнации, в котором держало его мусульманское право и религия. С помощью новых христианских законов мусульманская Турция вышла на

⁹ См. **Освальд Шпенглер**. Закат Европы. В двух томах. Мн.: «Харвест», М., АСТ, 2000; **А. Тойнби**. Постигание истории. Сборник. Изд. «Прогресс», М., 1991; **К. Ясперс**. Смысл и назначение истории. Изд. политической литературы, М., 1991; **С. А. Хачатрян**. Ценностные свойства права. Ереван, 2002; **он же**: Солидарность как внутреннее, объективное свойство права. Ереван, 2009.

путь развития и прогресса, характерный для христианских народов и государств, и в данный момент претендует на вступление в Евросоюз.

Признанность закона населением или мнение народа не всегда может стать мерилom и критерием легальности и легитимности закона и по другим причинам. Так, например, указы иранского царя Ездигерта Второго и его главного министра Михрнерсеха Аршакида 449/450 годов, требующие от армянского народа отказа от христианской религии, права, нравственности, и перехода под воздействие норм зороастрийской религии и права, были вполне легальными и легитимными. Они были приняты законными органами иранского государства, «прошли все правотворческие процедуры» и были признаны иранским зороастрийским обществом. Но для населения Великой Армении эти указы были незаконными, нелегальными и не легитимными, т.к. противоречили принципам христианского права и религии. Поэтому они были не только не признаны, но и решительно отвергнуты армянским населением¹⁰.

Эти примеры показывают, что существующие учения о праве и основанные на них подходы к проблемам легальности и легитимности недостаточно совершенны. На их основе невозможно однозначно ответить на вопросы: легальна и легитимна только та власть, которая образуется по принципу преемственности, на основе писаного или неписаного права, или любая власть, в том числе и та, которая возникла посредством насилия - революции или переворота? Непонятным остается также, легальна и легитимна только та власть, которая впоследствии легализуется и легитимируется путем издания законов и связывания себя этими законами, или также власть, которая вовсе не связывает себя законами? Например, на основе существующих концепций невозможно определить, были ли легальны и легитимны власть французских монархов и их законы, или же их полная противоположность — власть якобинцев и ее законы? Были ли легальны и легитимны русская монархия и ее законы или же разрушившая их власть большевиков и ее законы? И как определить, кто был прав: Г. Кельзен¹¹, считавший власть большевиков и ее законы, а также власть фашистов в Германии и ее законы, легальными и легитимными, или же В. С. Нерсисянц, который эти государства считает незаконными, а их законодательство — неправом, «отрицанием всякого права»¹².

¹⁰ См. **С. А. Хачатрян**. Указы Ездигерта Второго и его министра Михрнерсеха об отречении армян от христианства и их аксиологический, юридический, логический и социологический анализ. Ереван, 2009.

¹¹ См. **Н. Kelsen**. Das Naturrecht in der politischen Theorie. Zrsg. von f.-m. Schmalz. Wien, 1963, p.148.

¹² См. **В. С. Нерсисянц**. Философия права. Изд. группа ИНФРА. М - Норма, М., 1997, с. 35, 164, 172, 184, 187; Общая теория права и государства. Изд. группа НОРМА-ИНФРА. М., 1999; Право и закон. М., 1983; Право и закон. Их различие и соотношение. «Вопросы философии», 1988, N 5; Юриспруденция. М., 1998; Право: многообразие определений и единство понятия. «Советское государство и право», 1983, N 10;

Понятие права, как и понятия легальности и легитимности, можно определить только на основе предлагаемой нами естественно-аксиологической теории права¹³. Суть этой теории в следующем.

Существует шесть идейно-регулятивных нормативных систем - правовые, религиозные, нравственные, политические, экономические и эстетические. Право или правовая идейно-регулятивная нормативная система (правовая система), а также другие идейно-регулятивные нормативные системы не создаются классом, обществом или государством, не возникают вследствие развития экономики, классовой борьбы или на основе некоего общественного договора. Право не формируется в душе или в недрах класса, народа, расы, не является продуктом их воли. Право также не создается отдельными представителями творческой интеллигенции и не возникает стихийно, вследствие исторического развития, на основе безликих общественных отношений. Наоборот, сама история является продуктом действия идейно-регулятивных нормативных систем и все закономерные явления в истории есть следствие совокупного действия этих систем.

Все шесть идейно-регулятивных нормативных систем — правовая, религиозная, нравственная, политическая, экономическая и эстетическая возникают на базе основных или руководящих идей¹⁴, провозглашенных особо одаренными, исключительными творческими личностями, которых мы называем субстанциальными деятелями или цивилизаторами. Ими были Моисей, Зороастр, Будда, Мухаммед и другие, а также Бог в лице Христа. Именно они выдвигали судьбоносные для общества идеи и нормы, которые способны были стать и становились субстратом - причиной возникновения вышеуказанных систем.

Существует всего два субстрата — нехристианский и христианский. Нехристианский субстрат состоит из руководящих идей триединого зла (зло, ненависть, зависть), и триединого насилия (насилие, захват, тирания). Христианский субстрат состоит из руководящих идей триединой любви (любовь, милосердие и добро) и свободы (свобода, равенство и справедливость).

На основе каждого субстрата возникают производные от него другие, не столь значимые идеи, нормы, идеалы, иллюзии и верования, провозг-

Советское государственно-правовое строительство: проблемы взаимосвязи истории и теории. «Советское государство и право», 1988, N 8.

¹³ **См. С. А. Хачатрян.** Закономерности права. Ереван, «Зангак-97», 2003; Ценностные свойства права. Ереван, 2002; Эффективность права. Ереван, 2003; Указы царя Великой Армении Тиридата Третьего против сект, их аксиологический, юридический, логический и социологический анализ. Ереван, 2009; Солидарность как внутреннее, объективное свойство права. Ереван, 2009; Указы Ездигерта Второго и его министра Михрнерсеха об отречении армян от христианства и их аксиологический, юридический, логический и социологический анализ. Ереван, 2009.

¹⁴ О руководящих или основных идеях см. **Г. Лебон.** Психология масс. Изд. Минск «Харвест», Москва «Аст», с. 105-118, 128, 142, 187, 191 и т.д.

лашенные и распространенные опять же субстанциональными деятелями и их последователями. Эти вторичные идеи, находясь в диалектических связях с субстратом и между собой, трансформируются во внутренние объективные, нормативные свойства систем. Нормы, производные от свойств, от их нормативной структуры, образуют верхнюю, или внешнюю оболочку систем, их форму. Действуя в течение нескольких десятилетий в отношении народов и в их расовой душе, цепи этих идей и норм постепенно превращаются в правовые, религиозные, нравственные, эстетические, политические и экономические идейно-регулятивные нормативные системы, а через нормативную оболочку эти системы получают действенность, способность внедряться в отношения и сознание людей, производить изменения в обществе.

Внутренними объективными свойствами всех без исключения систем являются нормативность, определенность, общеобязательность, всеобщность, системность, иерархичность, принудительность, реализуемость, солидарность, эквивалентность, адекватность, принудительность, признанность, информативность, динамизм, стабильность, транзитность, информативность, известность, и десятки других свойств, в том числе и легитимность, и легальность¹⁵. Одни и те свойства выражают глубинное содержание как систем, возникших на основе субстрата триединого зла и насилия, так и систем, возникших на основе триединой любви и свободы. В этом отношении все системы тождественны, но отличаются по сущности. Свойства, возникшие на основе субстрата триединого насилия и зла, выражают всеобщее насилие и зло, а те же свойства, возникшие на основе триединой любви и свободы, выражают сущность именно этого субстрата. Таким образом, сущность и содержание являются разными категориями, а не тождественными, как утверждают многие правоведы¹⁶. Совокупность всех внутренних объективных свойств представляет собой субстанцию каждой из систем, их глубинное содержание и, предопределенная одним из двух субстратов, выражает их сущность. В отсутствие хотя бы одного из свойств целостные, динамично и последовательно действующие системы становятся ущербными.

В ходе образования систем в связях их внутренних свойств образуется и действует естественный закон соотнесения, сравнения, различения, взаимосвязи, взаимодействия, взаимовоздействия и сотрудничества свойств (и норм), который одновременно есть как проявление закона всеобщей природной причинности, так и проявление свободной причинности или причинности от свободной воли. Притом, если причиной образования и действия систем является свободная воля субстанционального дея-

¹⁵ См. **С. А. Хачатрян**. Ценностные свойства права. Ереван, 2002; **он же**: Закономерности права, Ереван, 2003.

¹⁶ См. **Д. А. Керимов**. Философские проблемы права. Изд. Мысль», М., 1972 с. 196-228; **Л. С. Явич**. Сущность права. Изд. Ленинградского университета, Ленинград, 1985, с. 73-112.

теля, основополагающие идеи этой воли, то в недрах систем, в связях их свойств, беря начало от субстрата, начинает безраздельно действовать причинность по законам природы. Эти две разновидности причинности, которые согласно третьей антиномии И. Канта являются логическим отражением противоречий действительности или противоречием между двумя суждениями, одинаково логически доказуемыми¹⁷, согласуются, соединяются в диалектическом единстве в идейно-регулятивных нормативных системах и начинают действовать совместно в виде вышеуказанного закона соотнесения, сравнения, различения, взаимосвязи, взаимодействия, взаимовоздействия и сотрудничества внутренних свойств систем.

Естественный закон, действующий в свойствах нехристианских идейно-регулятивных нормативных систем, необходимо ведет эти системы и возникшие на их основе цивилизации по пути регресса и разложения, а закон, действующий в связях христианских идейно-регулятивных нормативных систем, ведет эти системы по пути вечного прогресса. Таким образом, сами цивилизации являются плодом действия права, религии и других систем, а не наоборот, как полагает Ю. В. Тихонравов¹⁸.

Глубинное содержание и сущность систем выражаются во внешних формах, какими являются совокупность норм, правоотношения и правосознание, наделенные также конкретным содержанием. После того, как на основе действия систем и их форм возникает соответствующее государство — иудейское, зороастрийское, буддийское, античное, мусульманское или христианское, к этим формам выражения содержания и сущности идейно-регулятивных нормативных систем, в том числе и к правовой системе, добавляются такие формы выражения, как совокупность закононорм, правоотношений и законосознания, составляя с ними единую целостность. После этого формирование систем завершается, и они начинают полноценно действовать, регулируя поведение людей и их групп, отношения граждан и органов государства. Структурные части идейно-регулятивных нормативных систем, в том числе и правовой, не могут не соответствовать и противоречить друг другу, иметь разные сущность и содержание, потому что являются выражениями одной и той же единой и целостной субстанции (субстрата и свойств), подвержены действию одного и того же естественного закона. Только целостность всех внутренних и внешних компонентов систем — субстанции и внешних форм ее проявления, может называться правом, нравственностью, религией, эстетикой, политикой и экономикой.

На основе положений естественно-аксиологической теории, сформулированной нами¹⁹, а также на основе вышеизложенного становится очевид-

¹⁷ См. **И. Кант**, Сочинения. Т. 3, М., 1964, с. 418-431.

¹⁸ См. **Ю. В. Тихонравов**, Основы философии права. Изд. «Вестник», 1997, с. 268.

¹⁹ См. **С. А. Хачатрян**, Ценностные свойства права. Ереван, 2002; **он же**: Закономерности права, Ереван, 2003; **он же**: Указы Ездигерта Второго и его министра Михр-

ным, что не может быть одного общего понятия права (религии и т.п.). Их два. Первое понятие права является понятием христианской правовой (религиозной, нравственной и т.д.) идейно-регулятивной нормативной системы, возникшей и действующей на основе субстанции триединой любви и свободы. Внешние структурные формы этой системы, как и соответствующие структурные формы других пяти систем данной группы, выражают именно это глубинное содержание и сущность. Второе понятие права является понятием нехристианской правовой идейно-регулятивной нормативной системы, возникшей на основе субстанции триединого зла и насилия. Внешние структурные формы этой системы выражают именно это отрицательное глубинное содержание и сущность.

Легальность и легитимность являются внутренними объективными свойствами и христианских, и нехристианских идейно-регулятивных нормативных систем — буддийской, мусульманской, иудейской и т.д. Как и все остальные свойства, они выражают глубинное содержание и сущность своих систем - или триединое зло и насилие, или триединую любовь и свободу.

С одной стороны легальность и легитимность тождественны, потому что выражают глубинное содержание и сущность той субстанции, на основе которой они возникли и действуют. С другой стороны они различаются, потому что имеют свои специфическое содержание и роль в системе, без чего их существование невозможно.

Легальность как отдельное самостоятельное свойство правовой (религиозной, эстетической, нравственной и т.д.) системы выражает соответствие свойств и внешних форм выражения правовой системы основополагающим руководящим идеям субстанциального деятеля. Утверждения правоведов, согласно которым легальность выражает соответствие закона и его нормы государственной воле или означает законность вообще, прохождение законом всех установленных правотворческих процедур является всего лишь частным проявлением действия свойства легальности. Легально не то законодательство, которое создано по установленным правовым процедурам, а то, которое, как одна из шести форм выражения права, соответствует праву вообще, его основополагающим идеям. Легальна правовая система (мегасистема) христианской цивилизации, и только те законы христианских государств, которые соответствуют основополагающим идеям этой мегасистемы. Легальны также все нехристианские правовые и другие мегасистемы - иудейская, буддийская, мусульманская, и только те законы нехристианских государств, которые соответствуют основополагающим идеям своих мегасистем, подчиняясь действию естественного закона, функционирующего в недрах этих систем.

нерсеха об отречении армян от христианства и их аксиологический, юридический, логический и социологический анализ. Ереван, 2009; он же: Солидарность как внутреннее, объективное свойство права. Ереван, 2009 и др. Указы Ездигерта Второго и его министра Михрнерсеха об отречении армян от христианства и их аксиологический, юридический, логический и социологический анализ. Ереван, 2009.

Свойство легальности также обеспечивает связь, соответствие и сотрудничество правовой системы с остальными пятью идейно-регулятивными нормативными системами. Легальна та правовая система, внутренние свойства и внешние формы которой соответствуют или не противоречат свойствам и внешним формам выражения других систем, возникших на одном и том же субстрате.

Свойство легитимности выражает соответствие или степень соответствия правовой (а также религиозной, нравственной и т.д.) системы расовой, народной души. Специфическая роль этого свойства состоит в том, чтобы способствовать внедрению руководящих, главных и производных от них других значимых системных идей (свойств) и норм, а также сопровождающих системы этих идей и норм верований, идеалов, иллюзий и ценностей в душу расы, народов. Легитимность делает системы общеизвестными, общезначимыми, общепризнанными, желанными, истинными, действенными, обязательными для данной расы, превращая эти системы в неотъемлемую часть общественной объективной действительности, внедряя их в сознание и отношения людей. Таким путем подготавливается и происходит мирная социальная революция, переустройство бывшей общественной реальности и смена цивилизаций в их цепи. Именно так в Армении происходила замена гайканских идейно-регулятивных нормативных систем зороастрийскими, а затем зороастрийских - христианскими. Следует признать, что процесс легитимации и легализации систем зависит не только от вида систем, а также от расы. Так, например, Палестина была эпицентром провозглашения христианских идей, норм и верований, но они не были приняты семитской расой, населяющей эту землю.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о легальности и легитимности тех законодательных систем, которые мы называем «усеченными». Под этим мы понимаем те законодательные системы, которые создаются или путем насильственных революций и переворотов, возможных в любых цивилизациях, или путем мирной экспансии христианских систем в отношении нехристианских в процессе их соотнесения, сравнения и различения. В этой экспансии определенную роль играют представители творческой интеллигенции, парламенты и правительства нехристианских народов. Они способствуют ей, сознавая, что она является единственной возможностью развития их народов. Мирная же экспансия нехристианских систем в отношении христианских и их победа невозможна.

Как показывает исторический опыт, законодательные системы, возникшие вследствие переворотов и революций, могут образоваться как в христианской, так и в нехристианской цивилизации. В нехристианских цивилизациях они могут не производить особых изменений - ни плохих, ни хороших, примером чему может быть свержение монархии в Египте и Ираке и создания там республиканских форм правления.

Примерами «усеченных» законодательных систем, образованных в христианских цивилизациях, являются большевистская и фашистская за-

конодательные системы. Они были полным отрицанием и противоположностью христианским системам, потому что являлись воплощением абсолютного насилия и зла. Создатели этих систем, обеспечивая их непомерным насилием, старались с их помощью уничтожить христианские идейно-регулятивные нормативные системы, цивилизацию, искусственно создать новые социалистические или национал-социалистические правовые, религиозные, эстетические, политические, нравственные и экономические системы и учреждения их поддержки. Но ввести существенные отрицательные изменения в христианские системы и цивилизацию невозможно. Эти новообразования или самоликвидируются под воздействием христианских идейно-регулятивных нормативных систем, как это произошло в СССР, в Испании и Португалии, или их ликвидируют принудительно, как это случилось с фашистским режимом и его законодательной системой в Германии и Италии.

Законодательные системы всех этих режимов тоже обладали свойствами легальности и легитимности, но они, как и все остальные внутренние свойства этих «усеченных» систем, были чужды христианским правовым системам, выражали зло и насилие. Поэтому через короткий промежуток времени после своей легализации они были отвергнуты душой индоевропейской (арийской) расы.

В нехристианских идейно-регулятивных нормативных системах путем переворотов и революций возможно внесение различных изменений в содержание и сущность систем — как положительных, так и отрицательных, и при всех этих изменениях системы не лишаются легальности и легитимности. В их субстратах может произойти замена умеренного насилия и зла непомерным, абсолютным злом и насилием, и наоборот. И, что звучит невероятно, возможен также переход этих систем на основу субстрата триединой любви и свободы, но только в процессе соотнесения и различения с христианскими идейно-регулятивными нормативными системами, в условиях мирной экспансии христианских систем. Процесс начинается с введения законодательных изменений, рецепции христианских законов и норм, вследствие чего христианские идеи (свойства систем) и нормы, обряды и ритуалы переходят и внедряются в нехристианские системы, легализуются и легитимируются в чужеродных цивилизациях. Под их воздействием начинаются соответствующие положительные изменения в этих цивилизациях, появляются признаки развития. Именно таким путем перешли на рельсы христианских идейно-регулятивных нормативных систем Япония, Южная Корея, Сингапур, Турция, Израиль и другие нехристианские страны. Чудеса развития и прогресса в этих странах связаны исключительно с массовой рецепцией христианского законодательства и внедрения его идей и норм в расовую душу этих народов. А вслед за нормами законодательства следуют все другие формы выражения права, а также идеи и нормы экономики, политики, эстетики, в том числе — руководящие. В процессе диффузии систем и цивилизаций зна-

чение идей легальности и легитимности резко увеличивается. Они, вместе с другими свойствами систем, приобретают новый смысл и назначение, активно участвуя в приведении характера и души нехристианских рас и народов в соответствие с требованиями новых идей и норм.

**ԼԵԳԻՏԻՄՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԼԵԳԱԼՈՒԹՅՈՒՆԸ՝
ՈՐՊԵՍ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ՆԵՐՔԻՆ ՕԲՅԵԿՏԻՎ ՀԱՏԿԱՆԻՇՆԵՐ**

Ս. Ա. ԽԱՇԱՏՐՅԱՆ

Հոդվածում հիմնավորվում է, որ լեգիտիմությունը և լեգալությունը, ինչպես նորմատիվությունը, համընդհանրությունը, որոշակիությունը և այլն, հանդիսանում են իրավունքի ներքին օբյեկտիվ հատկանիշներ և առանց դրանց իրավունքը չի կարող լիարժեք կերպով գործել: Հոդվածում նշված են այն աղբյուրները, որոնք հանդիսանում են հայկական զրադաշտական իրավունքի ճանաչման լիարժեք աղբյուրներ և հիմնավորվում է, որ մինչև հայկական քրիստոնեական իրավունքը Հայաստանում գործել է զրադաշտական իրավունքը:

LEGALITY AND LEGITIMACY AS INNER OBJECTIVE QUALITIES OF LAW

S. A. KHACHATRYAN

In the article “Legality and Legitimacy as Inner Objective Qualities of Law” the author considers the concepts of legality and legitimacy existing in the Russian science of law, and suggests their new interpretation (understanding) as inner objective qualities of law.

ИСТОЧНИКИ ПОЗНАНИЯ ЗОРОАСТРИЙСКОГО ПРАВА

С. А. ХАЧАТРИАН

*Кандидат юридических наук,
профессор ГГУ*

Всегда, когда речь идет о правовой системе, действующей или уже исчезнувшей, немедленно возникает вопрос об источниках права и об источниках его познания.

В советской правовой науке особое место занимала полемика о правильности термина «источник права», причем имелось в виду только позитивное право. Одни авторы считали, что право является всего лишь отражением экономики, надстройкой над экономическим базисом, формой его выражения, и исходя из этой марксистской предпосылки, предлагали вместо термина «источник права» использовать термин «форма права». Другая группа авторов считала правильным употребление терминов «источник права» или «юридический формальный источник права». А. Ф. Шебанов, признав правильным употребление термина «форма права», предлагал отличать формальный источник права от понятия материально-